

Харьковский след в истории газеты «Биробиджанер штерн»

22.01.2020 Биробиджанер Штерн Ирина Маноilenко

Слева направо: Эммануил Казакевич, Гири Диамант, Тевье Ген и Бузи Миллер

В октябре нынешнего года газета «Биробиджанер штерн» отметит свой 90-летний юбилей. Этой публикацией редакция открываем цикл материалов, посвященных прошлому и настоящему газеты. А харьковский след потому, что в тридцатые годы прошлого века в «Биробиджанер штерн» работало много талантливых журналистов, приехавших из разных уголков страны с желанием стать участниками строительства Еврейской автономной области. Среди них в бесспорных лидерах были харьковчане.

Харьков, будучи столицей советской Украины, был в то время центром еврейской культуры и настоящей кузницей журналистских кадров для газет и журналов, выходивших на идише. В городе выпускалось несколько десятков периодических изданий и множество книг на этом языке. Упомяну некоторые из них: «Дер Штерн» (Звезда), «Ди Ройте велт» (Красный мир), «Юнгер шлогер» (Юный борец), «Арбетер югнт» (Рабочая молодежь), «Ратнбилдунг» (Советское образование), «Советише литератур» (Советская литература)... Существовали еврейские школы, еврейский педагогический техникум, а в газетном техникуме самым многочисленным было еврейское отделение.

До войны в Харькове проживало 135 тысяч евреев. В первые два военных года почти все оставшееся еврейское население города было уничтожено. Есть в Харькове и свой Бабий Яр, только называется он Дробицким.

А тогда, в начале и середине тридцатых годов, национальная еврейская культура находилась на подъеме и верила в свое светлое будущее.

Звезды Генаха Казакевича

Почему звезды? Да потому что в жизни этого незаурядного человека было две звезды – газеты с таким названием. В Харькове он редактировал газету «Дер Штерн», в Биробиджане – «Биробиджанер штерн».

Прежде чем в 1932 году приехать в Биробиджан, почти пятидесятилетний Генах Казакевич имел не просто большой – огромный послужной список. Журналистской и литературной деятельностью он занимался и до революции, а в 1919 году стал основателем и редактором первой еврейской советской газеты «Коммунистише фон» (Коммунистическое знамя), потом возглавил газету «Коммунистишер вэг» (Коммунистический путь) и журнал

«Ди Ройте велт» (Красный мир). В первом номере этого журнала были опубликованы стихи Ицика Фефера и Шмуэля Персова – судьба этих поэтов тоже будет связана с Биробиджаном.

Вскоре засветилась и первая звезда Генаха Казакевича – ежедневная газета «Дер Штерн», которая была органом ЦК украинской компартии. По сути, это было республиканское издание.

Не отрываясь от работы в газете, Казакевич редактировал еврейский отдел РОСТА, переводил на идиш учебники для еврейских школ, выступал в литературных журналах, сборниках и даже некоторое время будет директором Всеукраинского еврейского государственного театра и напишет для него пьесу по рассказам Джека Лондона «В золотой стране» – конечно же, на идише. Вам это ничего не напоминает? Тогда напомню – будучи в Биробиджане, сын Генаха Казакевича Эммануил тоже руководил еврейским театром – БирГОСЕТом и тоже написал для этого театра пьесу – «Молоко и мед». Такая вот случайная, а может, и не совсем случайная преемственность.

Кстати, именно старший Казакевич проторил харьковским журналистам и литераторам дорогу в Биробиджан. В Харькове квартира Казакевичей была местом литературных сборов и споров, там рождались и оттачивались таланты. Дочь Генаха Казакевича Галина вспоминала:

«В Харькове наш дом всегда был полон известных и начинающих писателей и поэтов. У нас бывали и подолгу жили приезжие из других городов – Квитко, Маркиш, Фефер, Финиберг, Гофштейн и многие другие. Перец Маркиш восклицал, обращаясь к нашей маме: «Женя, скоро ваша кушетка заговорит стихами». На этой кушетке спали приезжие поэты».

В феврале 1932 года на очередной творческой встрече Генах Казакевич прощался со своими харьковскими друзьями – журналистами, литераторами. Он сообщил, что уезжает жить и работать в Биробиджан – и это его твердое решение.

Казакевич не сразу стал редактором «Биробиджанер штерн» – поначалу ему предложили работу в отделе пропаганды райкома партии. Но уже **21 июня 1932 года** вышел очередной номер «БШ», который подписал новый редактор – Генах Казакевич.

А 30 октября того же года был выпущен сотый, юбилейный номер «Биробиджанер штерн». Отмечалось это событие весьма широко как общегородской праздник. Об этом подробно написал в своей книге «Штерн – звезда моя заветная» Ефим Кудиш. Приведу отрывок из нее:

«В этот день особо оживленно было в типографии. Полиграфисты Бернштейн, Фурман, Либер, Пальцин, Копелевич, Зингер, Холодовский, Гуревич и другие радовались юбилейному номеру. Разделяли эту радость редактор газеты Генах Казакевич, журналисты Наум Фридман, Ихиел Фаликман, молодые поэты Эммануил Казакевич и Бузи Олевский, прозаик Гири Добин».

Вечером 30 октября в городском клубе собрался полный зал народу. Открыл юбилейное торжество Генах Казакевич. Сказал свое слово **первый редактор «БШ» Янкель Левин**. Поздравил коллектив газеты и ее читателей приехавший в Биробиджан известный еврейский писатель **Давид Бергельсон**, который в своем выступлении под гром аплодисментов заявил, что останется здесь жить и работать.

Сотый номер «БШ» был отпечатан большим, чем обычно, тиражом, его отправили во многие города СССР и в зарубежные страны. Вручили по экземпляру газеты и каждому участнику юбилейного вечера.

Сын Генаха Казакевича, Эммануил, тоже станет сотрудником газеты. Молодой Казакевич был в Харькове членом молодежной литературной группы «Птичье молоко». В эту же группу входили начинающие литераторы **Тевье Ген**, **Гирш Диамант** и **Бузи Миллер**, которые в тридцатые годы тоже переехали в Биробиджан и пополнили ряды штерновцев. Впрочем, ряды – громко сказано. Творческий состав газеты при Генахе Казакевиче, когда он стал редактором, был совсем небольшим – он, его заместитель, ответственный секретарь и два корреспондента. Выручали внештатники и прикомандированные писатели из Москвы. Кто бы знал, что спустя почти девять десятилетий 16-страничную «Биробиджанер штерн» тоже станут выпускать всего четыре журналиста!

Но вернемся в тридцатые годы. Жизнь Генаха Казакевича в Биробиджане, по воспоминаниям очевидцев, была весьма далека от той, к какой привык он в Харькове. Поселилась его семья в небольшой квартире в деревянном доме без элементарных удобств, зарплата редактора была скромной. Сузился круг общения, поэтому Казакевич искренне радовался приезду в Биробиджан земляков-харьковчан. Отдушиной были для него поездки в Хабаровск на творческие встречи, где он близко познакомился с писателем Александром Фадеевым. Казакевич пригласил автора «Разгрома» в Биробиджан, Фадеев приглашение принял. Была поездка по области, где редактор «БШ» выступил в роли экскурсовода, был разговор о том, чтобы перевести часть фадеевского знаменитого романа на идиш. Увы, не сбылось. Генаха Казакевича вскоре после фадеевского визита освободили от должности редактора «БШ» как «не обеспечившего большевистскую линию партии».

Поводом послужили публикации, которые не устроили партийную власть. Не без влияния общественности его потом восстановили на прежней работе, но здоровье Казакевича сильно пошатнулось, тем более что он страдал сердечной недостаточностью.

Как редактор он мог не писать в газету, но его публикации появлялись почти в каждом номере и отличались ясностью, лаконичностью изложения, что потом стали называть легким стилем. Печатался Казакевич под псевдонимом Алтер Юнг, с идиша это переводится как юный старик, а по смыслу – старик с юной душой. Кстати, в Харькове у него было два псевдонима – Г. Генис и Г. Фрайер (свободный). Остается только домысливать, почему он взял другой псевдоним в Биробиджане.

Работая в газете, Генах Казакевич активно участвовал в культурной жизни города, был одним из инициаторов создания Государственного еврейского театра в Биробиджане и областной библиотеки. Он буквально не щадил себя, как будто торопился что-то не успеть.

И не успел. 23 декабря 1934 года сердце Генаха Казакевича остановилось. Было ему всего 52 года.

Хоронили редактора «БШ» со всеми почестями, даже переименовали в его честь улицу Валдгеймскую и городской кинотеатр. Но вскоре улица Казакевича стала Советской, а кинотеатр – «Родиной». На вопрос: «Почему?» в открытых источниках я не нашла ответа. Через несколько десятков лет на окраине Биробиджана снова появится улица Казакевича. Будет она названа в честь Генаха или Эммануила – непонятно. Вот что сказано в решении исполкома Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся от 29 ноября 1962 г. № 475:

«Улицу в поселке имени Бумагина, перпендикулярную улице Шолом-Алейхема, назвать именем Казакевича. Начало улицы считать от железнодорожной ветки с продлением ее до нового стадиона».

(В то время имя Бумагина носил рабочий поселок обоззавода – такое решение Биробиджанский горисполком принял **в июне 1946 года. В 1970-е годы**, когда начал строиться новый микрорайон, имя Героя решили присвоить ему.)

Недолго пережила мужа Евгения Казакевич. Их могилы на первом кладбище города не один раз пытались отыскать, но безуспешно.

Вскормленные «Птичьим молоком»

В первой части этой публикации я упомянула о четырех молодых харьковчанах, которые тоже решили связать свою жизнь с Биробиджаном и нашей газетой. Это были члены существовавшего в украинской столице литературного молодежного объединения «Птичье молоко» **Эммануил Казакевич, Гирш Диамант, Тевье Ген и Бузи Миллер**. Собиралась творческая молодежь чаще всего на квартире Казакевичей, где не только читали и обсуждали свое творчество, но и вели разговоры о жизни, о будущем. Не сговариваясь, решили, что строить свою дальнейшую жизнь будут в Биробиджане.

Младший Казакевич не сразу стал работать в «БШ» – был и строителем, и председателем колхоза, и директором БирГОСЕТа. А в штат газеты был зачислен в 1935 году – заведующим литературным отделом. Но часто он выступал и как публицист, очеркист.

В «Биробиджанер штерн» впервые были напечатаны стихи Эммануила Казакевича, которые стали основой первой книги поэта «Бирэбиджанбой» (Биробиджанстрой).

Друзья называли его Эмкой. И это было не только уменьшительное производное от имени. Молодой Казакевич, подписывая свои публикации в «Биробиджанер штерн», ставил две первые буквы от имени и две – от фамилии. Вот и получался в итоге ЭмКа.

В «БШ» Эммануил Казакевич проработал всего три года. В 1937-м арестовали руководителей области, под репрессии попали коммунисты, которые дали ему рекомендации в партию. И в 1938 году он уедет по совету друзей из Биробиджана в Москву – от греха подальше. Еще до начала войны, в 1941 году, станет членом Союза писателей СССР, а в военные годы – храбрым разведчиком и напишет об этом одну из самых правдивых и талантливых книг о войне – повесть «Звезда». В историю он войдет как классик советской литературы, нам же остается гордиться тем, что свой талант Эммануил Казакевич раскрыл в Биробиджане, работая в нашей газете.

Раньше всех из названной харьковской четверки, вскормленной «Птичьим молоком», в Биробиджан приехал **Тевье Ген**. Именно он встречал в 1932 году на биробиджанском вокзале Генаха Казакевича. Ген был хорошим очеркистом в газете, а в литературе предпочитал короткие жанры – рассказы и новеллы. На Дальний Восток он приехал уже с литературным багажом – в Харькове в 1932 году вышла книга его новелл. Биробиджан даст Тевье Гену почву для большого цикла рассказов, многие из которых были поначалу опубликованы в «Биробиджанер штерн».

В нашей газете Тевье Ген работал до 1936 года, а затем уехал в Москву. Через 29 лет он вернется в Биробиджан, но это будет командировка от журнала «Советиш Геймланд». Встретится с другом юности Бузи Миллером, с постаревшими героями своих довоенных очерков. И напишет о них новые очерки, часть которых будет опубликована в «Биробиджанер штерн».

Тевье Ген прожил долгую жизнь и завершил свой земной путь в Израиле, когда ему было 90 лет.

Гирш Диамант приехал в Харьков в 1928 году семнадцатилетним юношей – учиться. Он писал удивительные стихи и в литературном объединении «Птичье молоко» слыл лучшим

молодым поэтом. В 1932 году в харьковском издательстве «Литература и искусство» будет издана его первая поэтическая книга «Шварцэрд» (Чернозем).

В «БШ» Гирш Диамант работал недолго, журналистика ему давалась, в отличие от поэзии, тяжело. Вот как напишет о своем друге юности в повести «Ясность» Бузи Миллер:

«Эх, Гиришке, Гиришке..... Он был и журналистом, и поэтом. Журналистом он был неважным, его терпели только из уважения к его поэтическому дару, но дар этот был незаурядным. А в жизни Гиришке был не мастак, лишь с самыми близкими людьми мог разговаривать по душам... Был он великим молчальником. Иногда вдруг нарушал молчание и начинал читать строку за строкой. И неизвестно было, сочинил ли он эти стихи давно или они рождались только теперь, на ходу».

В 1938 году Гирш Диамант был призван на службу в армии. Служил он в селе Бабстово, на побывку приезжал к друзьям в Биробиджан. Это были годовичные офицерские курсы, по окончании которых ему присвоили звание младшего лейтенанта.

После службы Гирш Диамант вернется на Украину, а вскоре начнется война и он погибнет в самом ее начале – 23 июня 1941 года.

Самым молодым в четверке молодых харьковчан, ставших биробиджанцами и сотрудниками «Биробиджанер штерн», был **Бузи Миллер**.

В Харькове, приехав туда из родного местечка Копай, он устроился на завод простым рабочим. И писал. Литобъединение «Птичье молоко» так хорошо шлифовало его литературный талант, что уже в 1931 году восемнадцатилетний Бузи Миллер издает сборник новелл о рабочем классе «Смены заступают».

Через год он становится студентом Харьковского пединститута, еще через год переводится в Московский педагогический институт, который оканчивает с отличием. В 1936 году приезжает в Биробиджан, но прежде чем стать сотрудником «БШ», проходит школу, так и хочется сказать – жизни. Но это была школа № 2, в которой он был учителем.

Бузи Миллер прожил в Биробиджане все оставшиеся годы, исключая семь лет, которые он провел в сталинских лагерях. Осудили его, редактора «БШ», в 1949 году по так называемому «Биробиджанскому делу» как еврейского националиста. После реабилитации он был восстановлен в должности редактора, а когда ушел на заслуженный отдых, продолжал сотрудничать с газетой.

Не стало Бузи Миллера 25 января 1988 года. Напомню, что его именем названа улица Биробиджана, на которой он жил все последние годы.

Были в истории «Биробиджанер штерн» и другие харьковчане, о которых мы еще расскажем.

Кстати, бывший штерновец Ефим Кудиш, о чьей книге мы напомнили, тоже считал себя харьковчанином – он освобождал этот город в 1943 году от фашистских захватчиков, а после войны много лет переписывался с одним из школьных музеев, где почетное место занимала его фотография. Но это уже другая история.